

Обратный отсчет

Боевой шлем, очки баллистической защиты, пуленепробиваемый жилет с антибаллистическими пластинами, штурмовая винтовка С7А2. Мой папа дозорный в наземных вооруженных силах, и он уходит на войну, туда, через двадцать один день. Иной раз я не могу удержаться и прижимаюсь к его ногам, хотя я уже почти слишком большой для этого. Меня зовут Люка, не Люк, а Люка, мне девять лет, и в списке людей, которых я люблю, папа на первом месте. В следующей строчке маленькая Матильда. Потом пробел. Дальше школьные друзья. А еще дальше мама. В самом низу списка, маленькими буквами, моя старшая сестра Лоранс.

Ты, работавший учителем физкультуры в обычной школе, ты, для всех моих подруг красивый, как олимпийский атлет, ты, кого я никогда не променяла бы на другого отца, ты решил вернуться на службу в вооруженные силы. Уехать с миссией в Афганистан на полгода. Оставить семью. Оставить меня, твою дочь Лоранс.

Я не знаю, почему ты принял это решение. Правда, у тебя с Кариной, нашей мамой, что-то не ладится —

я-то вижу, она вечно тобой недовольна. У большинства моих подруг родители в разводе, и они считают, что в неполных семьях нет ничего хорошего. А я считаю, что в жизни с Кариной никогда не было ничего хорошего, если хочешь знать. А после рождения Матильды стало еще хуже.

Ты вернулся из тренировочных лагерей на прошлой неделе, чтобы провести с нами каникулы до отъезда. Я нахожу тебя странным, Карину нахожу еще более странной, чем обычно, а Люка действует мне на нервы своей манией ходить за тобой хвостом и постоянно задавать бестолковые вопросы, как будто, если ты дашь ему верные ответы, он снова станет таким, как прежде: беспечным мальчишкой, избалованным, противным и приставучим. Одна Матильда весело лепечет и болтает ножками от удовольствия у нас на руках, она слишком мала, чтобы понимать, что происходит. Ей всего десять месяцев.

Ты часто уходишь в себя, словно ты уже не здесь. Потом вдруг ни с того ни с сего крепко обнимаешь меня и шепчешь нежные слова: «моя принцесса, мое сердечко». Ты ерошишь волосы сыну, бормочешь какие-то глупости: «мой чемпион, мой большой малыш». С Матильдой еще хуже, тут ты превосходишь самого себя: «мое чудо, мой золотой зайчик, мое сокровище». Матильда в ответ воркует «да-да-да», так она говорит «папа», и чмокает тебя слюнявыми поцелуями. Ты это обожаешь.

Но это не мешает тебе уехать.

Сегодня, без предупреждения, без ничего, папа вдруг повел нас со старшей сестрой в компьютерный магазин. «Мы купим ноутбуки для меня, для тебя, Люка, и для тебя, Лоранс». Он сказал, что

так не будет ссор, мы сможем чатиться с друзьями, лазить в интернете, писать наши школьные работы и, конечно же, посылать ему мейлы. И он тоже будет — иногда мейлы для всех, иногда личные.

Пришлось дать ему уйму обещаний: не ходить на порносайты (как это ему в голову пришло? да ни за что на свете!), ни в коем случае не чатиться с незнакомцами и не проводить целые вечера, играя с друзьями в онлайн-игры. «Это актуально только для Люки», — фыркнула Лоранс, она всегда найдет, как меня уесть. И все равно мы с ней прыгали от радости. Старый компьютер из гостиной сдали на запчасти. У мамы-то есть свой ноутбук для работы.

Время тянется. Каникулы пошли прахом, и мы никуда не едем. Мои подруги разъехались с родителями, кто на озера и в северные леса, кто на реки, кто даже к морю, а мы здесь, в нашей большой квартире на улице Турель, живем в неуютном пузыре. Люка хотя бы ходит в городской лагерь. А я торчу дома. Шарюсь в интернете или сижу на большом балконе, откуда видны нижний город и горы, парящие в жаркой дымке, сижу и читаю детективные романы, любовные романы, просто романы. Я скучаю по школе.

Иногда я гуляю с Матильдой. Я увожу ее на детскую площадку, она совсем недалеко от нас, но надо подниматься по крутым склонам, и я с коляской похожа на шахтера, толкающего вагонетку с углем к выходу из шахты. Вдобавок нас придавила жара, и мы задыхаемся. Чем сильнее растягивается время, тем больше

мне не терпится, чтобы ты уехал. Не потому, что я тебя не люблю. Но потому, что ты кажешься уже таким далеким, а мы здесь, как парализованные, только и ждем, чтобы это кончилось.

Почти каждое утро после пробежки мой папа чинит в доме все, что, на его взгляд, требует починки. То молотком, то кусачками он терзает все, что попадает ему под руку. Он сменил батарейки в пожарной сигнализации, прочистил фильтр посудомойки, даже покрасил мою комнату в желтый. Цвет выбрал я. «Желтый, как пипи», — сказала Лоранс. Когда папа не знает, что еще чинить, он спрашивает маму:

— Еще что-нибудь нужно?

— Купить зимние шины для пикапа, сменить батарею в кухне, утеплить входную дверь.

— Карина, я приеду в отпуск до зимы!

— Как знать, Натан. Может быть, да. Может быть, нет.

А у меня, когда я не в городском лагере, всегда есть новые вопросы для папы: «Какая максимальная скорость легкого танка? За сколько минут можно собрать и разобрать твою штурмовую винтовку?»

Сегодня утром, когда он заново привинчивал розетку на кухонной стойке, а Лоранс разгрузила посудомойку, я подошел к нему сзади и прошептал:

— Что значит быть храбрым, папа?

Он положил отвертку на кухонную стойку. Лоранс, которая все слышала, замерла, наострив уши. Папа повернулся ко мне:

— Это значит бояться и все равно делать *job**.

В воскресенье после обеда мы с Люкой и Матильдой в коляске пошли на Гранд-Алле посмотреть парад твоего полка. Карина с нами не захотела. «Голова болит», — сказала она. Голова, как же! Мы-то не могли этого пропустить: там был ты.

Мы ждали долго. Вдоль тротуаров стояла толпа, а вдали, словно рокот, слышался звук приближающихся фанфар. Через несколько дней, самое большее несколько недель, военные с базы отправятся с миссией туда. Толпа пришла приветствовать их и поаплодировать их отваге. Я слышала, как люди вокруг взволнованно переговариваются: «Они идут защищать наши ценности. Спасать народ, попавший в беду. Они помогут ему помочь самому себе. Они — гордость нашей страны».

Фанфары заиграли национальный гимн. Солдаты приближались в ритме марша, звук труб, звон тарелок и бой барабанов пульсировал у нас внутри, точно огромное сердце. Нам удалось пробраться в первый ряд. Они подошли, две тысячи пятьсот солдат, мужчин и женщин, все в боевой форме, все шли в ногу под палящим солнцем.

Я видела, как женщины поднимают на руках маленьких детей. Я взяла Матильду из коляски и тоже подняла ее.

Люка вдруг закричал, перекрывая гомон толпы:

— Вон папа! Матильда, смотри, это папа!

* Работа (*англ.*).

Ты прошел вместе со всеми, так близко, что едва нас не задел, не взглянув на нас, не взглянув на Матильду, которая махала ручонкой и посылала тебе поцелуи. Твои глаза были устремлены я не знаю на что. На славу? Почести? Долг? Все это было очень странно, как-то нереально. Да существует ли она вообще, эта война на другом конце света?

А потом... фанфары смолкли. Военные продолжали маршировать. Я готова была уйти, но Люка непременно хотел увидеть всех солдат. Так что мы остались. И вскоре далеко позади, под сурдинку, слышали бой других барабанов. Другие фанфары, не такие дисциплинированные. Легкое обратное движение намечалось за нами, бой новых барабанов нарастал. Демонстрация за мир пробиралась сквозь толпу, голоса скандировали:

— Поддержать войну? Нет! Нет! Нет!

— Имейте уважение к нашим солдатам! — возмущались родственники и друзья военных. — Они идут рисковать жизнью!

— Убийцы! Убийцы! Убийцы!

Все это многоголосье звучало вокруг нас. Я видела поднятые кулаки. Флаги плыли над головами, транспаранты перечеркивали небо: «ДЕЗЕРТИРУЙТЕ! ВОЙНА ВОЙНЕ!» Поодаль началась давка. Люка, с красными щеками, с мокрыми глазами, пробормотал что-то, но я не расслышала. Мне было не до него, я держала на руках Матильду, защищая. «Скорее, Люка. Мы уходим».

Солдаты продолжали идти, никак не реагируя на оскорбления. С высоко поднятыми головами они шагали навстречу своей судьбе, вперед и вперед.

Дома мама все больше молчит, а когда тишина становится тяжелой, как серая ноябрьская туча,

папа выводит из гаража свой старый мотоцикл и едет к друзьям на военную базу. Мне бы хотелось, чтобы он взял меня с собой, но он никогда меня не берет. Он говорит, что солдатам, которые отправляются с миссией, надо поговорить между собой, поделиться секретами. Они все уедут осе- нью, весь контингент.

Сегодня, прежде чем оседлать мотоцикл, папа сказал мне, что нет ничего важнее братьев по ору- жию, когда вы в зоне боевых действий. Спаянные неразрывно.

— Почему ты называешь их братьями, если они тебе не настоящие братья? — спросил я.

— Потому что мы семья там, на поле боя, и ни- кто никого не бросит. Мы отвечаем друг за друга. Это называется солидарность.

На полсекунды я представил Лоранс сестрой по оружию и скорчил гримасу. Честно говоря, меня это не особо привлекало. Приказы все рав- но будет отдавать она. И потом здесь, дома, мы не в зоне боевых действий.

Сегодня днем мы всей семьей набились в пикап и по- ехали на военную базу повидать Кевина, Валери и двух их сыновей. Он — твой брат по оружию в Боснии, перед самым моим рождением, она — единственная мамина подруга. Что мне там делать, я не знала. Да и вообще, как только мы приехали, вы с Кевином взяли по банке пива и уселись в патио, пристроив задницы в пластмас- совых креслах.

Вы чокнулись, отпили по большому глотку. Мальчишки утащили Люку на лужайку, а мы остались в кухне женской компанией. На стойке возвышалась огромная стеклянная банка, полная разноцветного драже.

— Красиво, — сказала я. — Многовато их, правда?

— Это песочные часы, — ответила Валери. — Со следующего воскресенья мальчишки будут съедать по одной после ужина. Когда их больше не останется, отец вернется.

— Если я правильно поняла, триста шестьдесят драже разделить на двух детей равняется сто восемьдесят драже разделить на тридцать дней равняется шесть месяцев?

Валери с улыбкой кивнула. Потом повернулась к Карине.

— А ты, подруга, как?

Я поняла. Взяла Матильду, коляску и — оп-ля! — мы идем прогуляться. Мне надо было остаться дома с сестренкой, я бы отвезла ее на детскую площадку. Какое паршивое лето. Но это не то, чего ты хочешь, папа. Ты хочешь, чтобы мы были рядом, все время. Хоть ты и разговариваешь с нами все меньше, хоть ты и отдаляешься от нас все больше с каждым днем.

Мама с Валери, полагаю, хотели пооткровенничать. Или вспомнить время, когда они познакомились на военной базе на Западе, где все говорили по-английски. Им было по двадцать лет, они были влюблены и чувствовали себя одиноко, их молодые мужья, «голубые каски»*, отправились в Боснию, в Сомали или еще куда-то.

Я катила Матильду по прямым и унылым улицам военной базы, между рядами одинаковых домов, пере-

* «Голубые каски» — миротворческий контингент ООН, состоящий из воинских подразделений всех стран, входящих в ООН.

межавшимися редкими магазинами. Я узнала семейный центр. Мы жили здесь, когда я была маленькой. Потом ты ушел с действительной службы, стал резервистом, и мы перебрались в город. Карина ненавидела это место, как ненавидела все военные базы, где жила. «Я болталась от одного гетто к другому много лет, — говорила она, когда у нее бывало плохое настроение. — В этом тесном и замкнутом мирке, если ты не думаешь так же, как твои соседи, тебе плюют вслед».

Возвращаясь, я прошла мимо тебя и Кевина, вы сидели все там же, и трупики банок валялись у ваших ног. Вы говорили о военном параде.

— Трусые они все, эти пацифисты, которые называли нас убийцами, — ворчал Кевин.

— А мы делаем грязную работу, пока они рисуют свои плакаты, — добавил ты, смяв последнюю пивную банку. — Пойдем или останемся дома?

Папа решил подарить мне собаку. Странно это. Когда я был маленьким, за мной у самого дома погнался питбуль и укусил за ляжку. Меня до сих пор трясет, стоит только вспомнить его клыки, запах, кровь на шортах. Папа выбежал на улицу, пнул пса ногой, схватил меня на руки, отвез в больницу и держал за руку, пока мне накладывали двенадцать швов. А теперь он непременно хочет, чтобы у меня была своя собака.

И вот мы вместе отправились к заводчику. Там обошли все клетки, и я ничего не говорил. Мне не хотелось его огорчать, потому что он уезжает через неделю, но собаку-то я не хочу. В конце концов он подвел меня к клетке, где большая